

DOI: 10.24411/2308-8079-2019-00012

УДК 316.3(470.2)

**ЭВОЛЮЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ XVIII-XIX ВЕКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)**

Пулькин М.В.

В статье рассмотрены основные проблемы, связанные со статусом женщин в традиционной, но постепенно подвергающейся все более глубокой модернизации культуре северных окраин Российского государства. Выявлено, что процессы осовременивания неизбежно сопровождались существенным изменением социального статуса женщин. В качестве факторов, способствующих изменениям в гендерной сфере, представлены развитие системы образования, усложнение религиозной жизни, развитие мелкого предпринимательства. Проникновение женщин в сферы, доступные прежде исключительно мужскому населению, неизбежно вело к существенному расширению участия женщин в криминальных сообществах.

Ключевые слова: гендер, женщины, социальный статус, крестьянство, карелы, образование.

**EVOLUTION OF GENDER RELATIONSHIPS IN THE TRADITIONAL
CULTURE BETWEEN THE 18TH AND 19TH CENTURIES
(ON MATERIALS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA)**

Pulkin M.V.

The article discusses the main problems associated with the status of women in the traditional, but gradually undergoing, ever deeper modernization of the culture of the northern outskirts of the Russian state. It was revealed that the processes of modernization were inevitably accompanied by a significant change in the social status of women. The factors contributing to changes in the gender sphere include the development of the educational system, the complication of religious life, and the development of small business. The penetration of women into areas previously

accessible exclusively to the male population inevitably led to a significant increase in the participation of women in criminal communities.

Keywords: gender, women, social status, peasantry, Karelians, education.

Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9).

На протяжении всего XX в. гендерная проблематика изучалась в связи с историей народного образования, различными аспектами этнографической науки [6, с. 27-28; 40; 43; 44]. В настоящее время проблемы женской социальной адаптации постепенно становятся предметом все более пристального внимания специалистов [7; 17; 30, с. 3-15, 31, с. 15-29]. Повсюду в мире растет социальная роль женщин, одновременно существенным образом меняются критерии маскулинности. Новые исследовательские приоритеты закономерно отражают современные социальные тенденции. *Цель данной статьи заключается в изучении гендерных аспектов истории, статуса женщин в обществе, путей и способов их адаптации к реалиям провинциальной жизни XIX – начала XX в. с опорой на материалы, связанные с северной окраиной России.*

Выявление источников, необходимых для изучения гендерной проблематики, остается непростым делом. Исключение подавляющего большинства женщин из общественной жизни, их слабое участие в крестьянском и городском самоуправлении привели к тому, что архивные фонды разных ведомств содержат отрывочные, случайные упоминания о тех ситуациях общественной и частной жизни, в которых женщины играли определенную роль. Так легко и предсказуемо вне поля зрения историков осталась значительная, а судя по материалам статистики – большая часть населения Карелии. Немаловажным аспектом исследования является изучение тех сил, факторов, стечений обстоятельств, которые активно противостояли

консервации традиционной роли женщины и, в конце концов, привели к коренному изменению ее статуса в российском обществе. Ответы на эти вопросы дадут возможность восполнить существующие пробелы, сохраняющиеся в истории Карелии, которая остается до настоящего времени преимущественно историей мужских деяний.

Гендерная идентичность, как и любая другая, это – «текущее сочетание значений и типов поведения, каковые мы конструируем, исходя из ценностей, образов и предписаний, которые находим в окружающем мире» [17, с. 146]. Эта универсальная формулировка применима и к северной традиционной культуре. Существующая в ней система ценностей в значительной мере предопределяла типичные черты поведения женщин и мужчин. Статус женщин в значительной мере определялся сословной принадлежностью семейства отца, а после замужества – общественным положением мужа. По данным А.Я. Ефименко, согласно карельским обычаям «муж обязан содержать свою жену». «Между карелами, несмотря на их крайнюю бедность, очень редки нарушения этой обязанности» [12, с. 111]. Попытки самостоятельно добиваться социальной реализации для женщин чаще всего представлялись просто невозможными, а препятствия – непреодолимыми.

Права женщин ограничивались законом, который лишь иногда вступал в противоречие с существующими традициями. Последние действовали значительно более эффективно, охватывая большее количество сфер жизни, чем законодательство, решительно не позволяя женщинам играть сколько-нибудь значимые общественные роли. Современникам событий рисовалась незамысловатая картина взаимоотношений полов. С одной стороны, «многовековая борьба северного человека с природой выработала в мужчине энергию, силу воли и любовь к труду, там, где это обещало увенчаться успехом». С другой стороны, «вечная неволя, при невозможности открытой борьбы выработала в женщине те неприглядные привычки и хитрости к действительной или притворной робости, к всевозможным видам кокетства и лицемерия, которые, так или иначе, облегчали ее незавидную судьбу» [4, с. 3].

На протяжении столетий выработалась сложная система поддержания приниженного статуса женщин. Суть ее состояла во власти мужа и вообще внутрисемейных взаимоотношениях, заключающихся в разнообразных практиках подчинения, заметная роль в которых отводилась физическому и психологическому насилию. В конце XVIII в. олонецкий губернатор Г.Р. Державин застал этот порядок в полном расцвете. В своих путевых записках он зафиксировал следующую примечательную и красноречивую сцену из свадебной обрядности. Тесть, обращаясь к жениху, предлагал ему наказывать жену «за первую вину одногодной вицею, за другую – двугодovou, за третью – трехгодовой», а затем и вовсе не ограничивать себя в выборе наказания [11, с. 180]. По материалам XIX в. молодая жена «не должна была ни оправдываться, ни возражать в ответ на попреки со стороны родственников мужа». Обычай требовал от нее демонстрации смирения «поклонами по самым разным поводам». У калевальских карел она должна была «подолгу кланяться, когда семья садилась есть» [43, с. 195].

Приниженный статус женщин поддерживался на бытовом уровне, в повседневной жизни. Пространство дома четко делилось на мужское и женское. Хлев был «владением» женщин, «мужчины заходили туда лишь весной, когда после выгона скота очищали хлев от навоза». Вообще хлев оставался важным местом в жизни женщины, ее стихией. Здесь она могла укрыться от побоев мужа или ругани свекрови; там же обычно проходили роды [45, с. 111]. В крестьянском доме «женское и детское место» строго определялось. Это пространство между печью «задним углом» избы [45, с. 101], подальше от почетного «красного угла», предназначенного для хозяина дома и почетных гостей. Как правило, женщины не допускались на сходки, а их появление на столь важном мероприятии расценивалось современниками как курьезное событие. В декабре 1895 г. крестьяне Святозерской волости собрались для решения важных дел, связанных со сбором недоимок. Внезапно среди них появилась крестьянка Лукерья Журавлева. Местный староста «при виде бабы,

которые, как известно, некомпетентны в мирских делах, лишь поднял ее на смех и приказал ей убираться восвояси» [34, л. 2].

На протяжении столетий сформировался мощный и безукоризненно отлаженный механизм подавления женской инициативы. Изучение «передачи стереотипных представлений о распределении социальных и семейных ролей из поколения в поколение» является сложнейшей задачей [30, с. 3-15]. Насилие стало лишь одним, не самым существенным проявлением. Значительно более мощным орудием подавления стали *ментальные структуры*: привычные, освященные традицией стереотипы поведения, существующие и постоянно воспроизводимые в сознании личности, активно блокирующие самостоятельные попытки пересмотра (даже на уровне воображения) привычных норм поведения. Разделение труда в семье и за ее пределами четко фиксировало приниженный статус женщин. «Кормщиками чаще всего были мужчины, а женщины гребли» [45, с. 68]. Общественный прогресс на первых порах не внес существенных корректив. Приниженный статус женщин проявился в организации начального образования в северных губерниях России. По данным за 1870 г., «многие поступают в училища не в определенное для приема время, а когда позволяют домашние обстоятельства, учатся не постоянно, но с перерывами, оставляют училища прежде времени, *обучение девочек считается делом излишним* (курсив наш – М.П.)» [25, л. 20].

Значительно более тонко, но не менее эффективно действовали различные половозрастные сообщества. Речь идет о парнях-сверстниках, потенциальных женихах. Поведение сельской девушки «регламентировалось более строго, чем поведение парня». Она «не должна была вести себя слишком весело и раскованно, так как парни "браковали слишком бойких"» [22, с. 102]. Давление со стороны крестьянского сообщества проявлялось и на бытовом уровне, в типичных жизненных ситуациях. В вопросе о смертной одежде «наиболее консервативными хранителями традиции, по крайней мере, с конца XIX в. выступают женщины <...>. Мужчины, даже пожилые, судя по источникам, оказывались, видимо, довольно безразличными к требованиям

обычаев» [44, с. 59]. В то же время нормативное давление оставляло для женщины значительные возможности для творчества, достижения более высокого социального статуса *в рамках и при условии соблюдения существующих гендерных норм*. В частности, особый статус в крестьянском коллективе имели плачеи, выступавшие в роли знатоков обрядов, связанных с погребением [44, с. 65]. Они хорошо знали «ритуал и традиционную основу причитаний» [44, с. 80].

Семья и односельчане являлись двумя важнейшими сообществами, в которых осуществлялась повседневная практика женщин, но именно эти сферы наиболее жестко поддерживали их приниженный статус. Им же отводилась существенная роль в оценке девушки/женщины. Все это не исключало индивидуального подхода к выдающимся качествам отдельной личности. Традиционная культура располагала собственными возможностями для оценки конкретной женщины, ее актуальных достижений и будущих успехов, которая осуществлялась рядом способов. Главное внимание всего общества приковывали к себе девушки, достигшие брачного возраста. Наиболее существенным моментом контроля и сопоставления отдельных индивидов стали публичные смотрины, участие потенциальных невест в сельских праздниках. Любая девушка, не участвующая в играх и плясках, «рисковала остаться старой девой» [22, с. 102].

Традиционная культура рассматривает трудовые навыки, работоспособность как важнейший фактор оценки мужчин и женщин. При этом наиболее распространенная точка зрения вполне предсказуема и в определенной мере сохраняется и в наши дни: «мужчина не должен делать женской работы, а женщина – мужской» [21, с. 162]. Особенно внимательно присматривались к девушкам на выданье. Для последних этот критерий становился особенно важным: «мнение односельчан о девушке как работнице непременно учитывавшееся при выборе невесты, складывалось и при наблюдении ее работы, и опосредованно, по продукции – у всех на виду была ее одежда собственного изготовления» [9, с. 108]. Записки современников

событий показывают, что система гендерного разделения присутствовала и во время полевых работ [16, с. 22]. Так, в страде «принимает участие все рабочее население» обоего пола, но по окончании полевых работ «труд населения разделяется». Женщины приступают к уборке картофеля и огородных овощей, занимаются обработкой льна и конопли, сборанием ягод и грибов, заготовлением и доставкой хвой, вывозкой навоза. В начале зимы наступает черед домашних рукоделий: вязанию чулок, шитью белья и т.д. В некоторых местностях Олонецкой губернии «предметы рукоделия идут не только для себя, но и в продажу, как, например, в Каргопольском уезде». При этом соблюдается следующая любопытная закономерность: «Вся выручка от продажи этих вещей составляет неотъемлемую собственность женщин, ограждаемую обычаем от всяких посторонних посягательств» [32, с. 2].

Государственная служба, где женщины из привилегированных слоев общества начали в конце XIX – начале XX вв. все активнее заявлять о себе, согласно законам, оставалась малодоступной для прекрасного пола. Действующие на начало XX в. правовые нормы предписывали «допускать» женщин на ряд должностей. Во-первых, «к занятиям по счетной или письменной части в женских заведениях ведомства учреждений императрицы Марии»; во-вторых, «к занятию должностей акушерских, фельдшерских и аптекарских в женских лечебных учреждениях». Третьим важным полем деятельности для женщин стало участие в деятельности образовательных учреждений. Их разрешалось привлекать «к занятиям на поприще воспитательном, на основании правил, изложенных в уставах учебных заведений». Некоторые женщины могли находиться на должностях телеграфистов, «по счетной и письменной части» и даже стать врачами, но «без права государственной службы» [27, с. 5].

Трудовая деятельность в целом стала существенной сферой, которая лишь потенциально, в перспективе могла открыть для женщин дорогу к самореализации. Обучение стало наиболее важной сферой, в которой женская инициатива могла проявиться в полной мере, быстро и навсегда меняя

устоявшийся традиционный уклад жизни. Школьное образование коренным образом модифицировало традиционную схему взаимоотношений полов. Во-первых, в школе девочки впервые конкурировали с мальчиками, причем исход конкуренции определялся интеллектом, а не был заранее предписан традиционным деревенским обиходом. Во-вторых, школьная жизнь протекала под контролем женщин-учительниц, которым были обязаны подчиняться все учащиеся. Для мальчиков подчинение женскому руководству и контролю стало фактором, неизбежно влияющим на мировоззрение и заметным образом трансформирующим традиционные гендерные роли. Наконец, педагогический коллектив, в значительной мере состоящий из женщин, формировал иные нормы поведения, отличавшихся от существовавших в окрестных деревнях. Представительницы слабого пола из числа педагогов вполне свободно могли пренебрегать устоявшимися обычаями. Все это создавало возможность появления альтернативных гендерных норм поведения, которые формировались и успешно существовали на глазах у подрастающего поколения.

Низовой уровень образования в течение изучаемого периода постепенно претерпевал серьезные изменения. В 1901-02 учебном году в курс наук, преподававшихся в петрозаводских церковно-приходских школах, добавилось обучение девочек рукоделию. Комментируя этот факт, современник событий отмечал два важных обстоятельства. Во-первых, «общее число учащихся мальчиков и девочек располагается в этих школах так, что девочки составляют $\frac{2}{3}$ всего числа учащихся в той или другой городской церковно-приходской школе, а в иной школе число девочек и более этого количества» [26, с. 3]. Во-вторых, «карьера большинства девочек, без всякого сомнения, – замужество. И с уверенностью можно сказать, что немногие из них, по выходе замуж, будут располагать такими средствами, чтобы потребности домашнего обихода удовлетворять путем найма портних и белошвеек. Большинству из них этот труд придется нести самим» [26, с. 3]. Совсем иная картина событий содержится в описании села Остречины Петрозаводского уезда: «мальчики в нашей волости обучаются почти все без исключения, а девочки только более

состоятельных крестьян» [41, с. 3]. Всего по данным на 1901 г. в Олонецкой губернии работало 631 учебное заведение, в которых обучалось 14938 мальчиков и 6470 девочек [42, с. 3-4; 49, с. 2].

Иногда в прессе встречаются значимые суждения о намерениях родителей, посылающих своих дочерей в школу. В 1910 г. местный педагог П. Успенский писал, что мальчиков посылают учиться для того, чтобы они стали «лицами, получающими определенное содержание независимо от приносимой ими пользы». Но есть и другой факт: «село посылает в школу кроме мальчиков еще и 30-40 девочек без указанных выше надежд». Это говорит о том, «что школа здесь нужна и еще для чего-то» [47, с. 21]. По свидетельству другого учителя, отсутствие большинства девочек в школе вполне объяснимо: «они и няньки маленьким членам семьи, они и пол метут, и куделю прядут, и чулки или рукавички вяжут, и за скотиной следят». Поэтому «помощницу такую крестьянин ценит и лишиться ее не пожелает» [13, с. 5].

Педагогический коллектив, как говорилось выше, включал заметный процент женщин. Как утверждала земская печать в 1915 г., «число учащихся женщин вообще, независимо от ценза, преобладает над числом учителей и по общероссийскому подсчету, но по Олонецкой губернии это преобладание женщин выше общей средней цифры. Однако в распределении мужчин и женщин по разным учебным заведениям «сказывается обычный закон распределения мужского и женского труда, т.е. то обстоятельство, что женский труд оплачивается дешевле мужского». В «министерских» школах, где преобладают мужчины, годовой оклад 468 руб. В земских школах, где оклад 411 рублей, женщин значительно больше. Наконец, в церковно-приходских школах, где годовой оклад 384 руб. процент женщин оказался рекордным (69%) [14, с. 15].

Образование позволило заметным, революционным образом изменить сложившуюся на протяжении столетий систему гендерного разделения труда. Другой сферой, где участие женщин в силу непреодолимых ограничений не могло быть столь же полноценным, но которая все же нуждалась в привлечении

многообразных усилий обоих полов, стала религиозная жизнь. Приобщение женщин к православной религии оказалось значительно более трудным делом, чем аналогичная работа с прихожанами-мужчинами. Причиной этого стал значительно более ощутимый языковой барьер, разделяющий духовенство и прихожанок. Как говорилось в рапорте епископа олонецкого и петрозаводского Игнатия, адресованном Синоду, среди карелов Олонецкой епархии «из женского пола, по крайней мере, две трети не умеют говорить иначе, как по-карельски. <...> Дети обоего пола говорят языком матерей» [33, л. 37]. Такое положение не было спецификой лишь Олонецкой губернии. В Яренском уезде Вологодской губернии местные власти в начале XX в. констатировали то же самое: «часть мужского населения (зырян. – *М.П.*) понимает русскую речь <...> женщины же понимают ее слабо и по-русски вовсе не говорят» [23, с. 50]. В начале XX в. ситуация сохранялась. Духовенство Селецкого прихода Повенецкого уезда в своем обращении к епископу в 1914 г. подчеркивало особую значимость карельского языка для нужд богослужения: «Приход наш карельский, в нем 900 с небольшим человек, из коих мужчины все, за очень редкими исключениями, понимают русскую речь и сами говорят по-русски, зато женщины <...> в полном смысле слова карелки (*курсив наш – М.П.*)» [1, с. 409].

Подбирая ключи к женским сердцам, духовенство, в то же время, оказывало ощутимое воздействие на статус женщин, контролируя разные сферы их жизни. В 1871 г. Олонецкая духовная консистория рассмотрела дело о блудодеянии крестьянки А. Моисеевой. За рождение ребенка вне брака ей было отказано в причастии, четыре раза в год предписано исповедоваться и т.д. [46, л. 2]. Те инициативы женщин, которые соответствовали христианским представлениям, всячески поощрялись. Церковь предоставляла женщинам возможности проявить активность в служении общему делу. Некоторые сферы церковной жизни открывали перед прихожанками возможность проявить свои деловые качества или просто принять посильное участие в духовной жизни. Олонецкая епархиальная пресса рапортовала о первых успехах: «Вот робко

подходят к благочинному женщины и просят дозволения и им в несении святых икон. Радости их не было границ, когда они получили желаемое разрешение» [8, с. 603]. В церкви возникали возможности для реализации талантов совсем юных представительниц прекрасного пола. В Контушском приходе Вытегорского уезда по данным за 1870 г. «учащиеся под руководством местного священника девочки настолько успели в искусстве пения, что могли петь на левом клиросе во время совершения архиепископом в приходском их храме всенощного богослужения» [25, л. 7]. В начале XX в. в епархиальной прессе появлялись и более откровенные высказывания на эту же тему: «Радости женщин не было конца, что даже баб заставил Владыка петь в церкви» [28, с. 65].

Некоторые женщины проявляли значительно большую активность в решении насущных духовных вопросов. В конце XIX в. церковный староста из Имоченского прихода Лодейнопольского уезда решил вопрос о сборе денег необычным для своего времени образом. Он нашел «сборщицу бывалую, усердную <...> женщину умную, просвещенную и благочестивую», которая успешно собрала недостающую для завершения строительства местного храма сумму [20, с. 517]. Паломничество к святым местам, судя по современным исследованиям, в значительной мере, невзирая на опасности дальнего пути, оставалось уделом женщин. «Ходили большей частью женщины и девушки, мужчины – реже». В числе причин, побуждающих к посещению святых мест, называют неудачное замужество или желание выйти замуж, болезни детей, бесплодие, болезни родственников или собственные, неурядицы со скотиной [3, с. 156].

Получая всестороннюю поддержку от женщин, священнослужители выступали против обычаев, нарушающих права прихожанок. Священник Кимасозерского прихода в своем рапорте епископу в 1857 г. утверждал: «Служа пять месяцев в храме Божиим, не видел ни одного человека женска пола». Одна из прихожанок, осмелившаяся посетить церковь и исповедаться, вызвала негодование своего свекра, который «едва ли не прибил свою

невестку» [35, л. 1]. Иногда клирики акцентировали внимание на более серьезных нарушениях. В 1900 г. съезд благочинных Олонецкой епархии обращал внимание на недопустимые нарушения при исполнении таинства брака. Во-первых, благочинные обращали внимание на «древне-языческий, противный церковным канонам и законам гражданским обычай», в соответствии с которым осуществлялись похищения невест прямо на улицах городов. При этом не всегда похитители действовали с согласия невесты и с ведома ее родителей. Во-вторых, нередко браки заключались без родительского благословения. Съезд предписывал священникам «таких браков решительно не венчать и всюю силою пастырского слова убеждать прихожан оставить такой дикий и совершенно не согласный с духом святой православной веры и законом гражданским обычай» [15, с. 257-258].

Духовная сфера стала еще одной составляющей общественной жизни, в которой женская инициатива могла проявиться в полной мере. Эти новые проявления легко объяснимы. Во-первых, сама основа организации Церкви состоит в приоритете мужчин, которые заведомо обладают доминирующими позициями и могут не опасаться их утратить. Во-вторых, усложняющаяся церковная жизнь требовала все больших усилий, в то время как возможности мужчин, активно участвующих в религиозной жизни, оставались прежними. Тем самым возникла и стала привычной еще одна сфера проявления женской активности. Однако далеко не всегда инициативы женщин, поиск новых сфер деятельности, в которых они могли бы активно конкурировать с мужчинами, добиваться успехов в материальном плане и становится более влиятельными, соответствовали требованиям закона. Сохранялись и даже возрастали многочисленные соблазны, связанные с девиантным поведением как формой преодоления запретов, наложенных обществом.

Проблема преодоления отработанных за длительное время сценариев мужского и женского поведения, в том числе связанных с криминальной сферой, является одной из наименее изученных. Известно, что преступность всегда «имеет динамичный, инициативный, творческий характер <...>

Самозащита общества от преступности по своему происхождению вторична. Первые ходы делает преступность» [19, с. 31]. Возможности преодоления сложившегося гендерного порядка поведения и системы оценок по мере роста преступности постепенно возрастали. Но этот рост сдерживался традиционными нормами. Даже во время регулярных деревенских праздничных драк, когда исчезали все запреты, женщины руководствовались определенными нормами поведения. Их участие в сельских побоищах «не допускалось этикетом, однако считалось вполне допустимым, что женщины разводят дерущихся по сторонам, разнимают или даже защищают "своих" мужчин от нападения "чужих"» [22, с. 207]. Иногда в источниках встречаются данные об отклоняющемся поведении женщин во время праздников и, в частности, о пьянстве. По данным начала XX в., в праздники «молодые девушки не пьют <...> надо угощать гостей». Зато в первое воскресенье после праздника «девицы возьмут свое: иная так "налижется", что побледнеет вся, как береста, и где-либо на задворках исправно очищает свой переполненный желудок» [39, с. 22].

Радикальные формы нарушения устоявшегося порядка оставались в изучаемое время уделом мужчин. Известно, что на рубеже XIX и XX вв. женская преступность в Олонецкой губернии оказалась «развитой в гораздо меньшей степени, чем преступность мужская» [18, с. 16]. Наиболее часто встречающаяся форма насилия в отношении женщин связана с крестьянским бытом. Дела о домашнем насилии легко найти в материалах делопроизводства. В 1892 г. пристав первого стана Петрозаводского уезда рассматривал дело о постоянных избиениях крестьянином Патракеем Устиновым своей жены. Как утверждали очевидцы, ночью в деревне Каскес-наволоок раздался сильный шум: какая-то женщина, разбив окно, выскочила из второго этажа дома Устинова с криком: «спасите, убивают!». Вслед за женщиной вылетел какой-то предмет (впоследствии оказалось, что это был топор). Выбросившаяся из окна женщина «с трудом поднялась и побежала к дому десятского Антона Иванова». Начавшееся расследование дела оказалось безрезультатным. Выяснилось, что

«Устинов и ранее этого сильно бил и истязал свою жену и пасынка мальчика 11 лет». Но дело, как нередко бывает и сегодня, прекратилось «за отсутствием жалобы потерпевшей» [37, л. 4].

Проблема насилия в отношении женщин подробно отражена в источниках. В них содержатся сведения о самых разных посягательствах на честь, здоровье, имущество женщин, а также о сексуальной агрессии в отношении них. В рапорте священника Ведлозерского прихода содержатся сведения о событиях января 1877 г. Местный крестьянин Прохор Алексеев затащил к себе в дом девицу Пелагею Иванову, «хотел взять ее в замужество, обманул, обесчестил ее и, прожив как с женою до 29 января, затем прогнал и обвенчался с другою крестьянкою» [36, л. 5]. Иногда насилие принимало менее серьезные, но широко распространенные и не осуждаемые большинством населения формы. «Есть деревушки, – писал он, – где на беседе не позволяется ругаться матерно, где нельзя слишком вольно обходиться с девушками <...> К сожалению, это единичные случаи» [38, с. 6].

Повсюду в мире всегда «несопоставимо большее количество преступлений совершают мужчины» [5, с. 79]. Женская преступность полностью отсутствовала в сфере должностных преступлений (взятки, превышение полномочий), что вполне объяснимо, поскольку женщины, по сути дела, были отстранены от участия в деятельности органов власти [24, с. 31]. «Крайне ничтожным» оставалось участие женщин в политических преступлениях: с 1897 по 1911 гг., в том числе в бурные годы первой русской революции. К ответственности по этой разновидности деяний привлечено 2 женщины и 232 мужчины. Несколько большее число женщин предстало перед судом за преступления против жизни, здоровья, свободы частных лиц, а также против прав собственности. Зато в преступлениях против «прав семейственных» (родительские права, обязанности супругов) число подсудимых женщин оказалось «лишь немного ниже числа мужчин». Впрочем, по соответствующим статьям закона в рассматриваемый период было осуждено небольшое число граждан обоего пола [18, с. 12].

Особой формой проявления женской девиантности стал «бордельный промысел». На первых порах, в XVIII в. с проституцией, существовавшей на Петровском заводе, боролись с помощью репрессивных мер. Заводская канцелярия в 1775 г. обнаружила, что в слободе живут девки, которые «подвергают как себя, так и других <...> венерическим болезням». Девочек решили «отослать на прежние жительство», а чтобы они больше не появились при заводах, «выдать в замужество» [29, л. 327]. В XIX – начале XX вв. заметные попытки искоренить проституцию не предпринимались. Здесь срабатывала общероссийская закономерность: «Наряду с довольно скромными масштабами привлечения к уголовной ответственности за сводничество значительно большее количество проституток привлекалось к судебной ответственности за неисполнение правил врачебно-полицейского надзора» [10, с. 325]. На основании циркуляра министерства внутренних дел, разосланного в ноябре 1877 г., олонецкий губернатор был обязан организовать «тщательнейшее разыскание всех явных и тайных притонов разврата», но не с целью их ликвидации, а для «подчинения их установленному надзору». В этом же циркуляре содержалось требование об «обязательном медицинском освидетельствовании как женщин вольного поведения, так и <...> всех лиц низшего класса». Лечение женщин, торгующих собственным телом, возлагалось на содержательниц домов терпимости [48, л. 1].

По общероссийской статистике, в 1889-1993 гг. женщины составляли 12,3% от общего числа осужденных. Однако имеются сферы, где женская преступность проявлялась предельно отчетливо, занимала лидирующее положение. В числе осужденных за детоубийство женщины составляли 98,3% [18, с. 44]. В 1915 г. в земской печати появилась серия статей о преодолении пьянства, в одной из которых говорилось о «некоторых бабах», отбывающих наказание за тайную торговлю спиртным в условиях действия «сухого закона»: их «только в лодейнопольской тюрьме сидит свыше полусотни». Многие из них «получали ежедневно не меньше рубля в бойких деревнюшках, расположенных

на почтовых трактах». В месяц их доход составлял 30 рублей, что равнялось жалованию народного учителя [2, с. 13].

Подводя итоги, отметим, что на рубеже XIX-XX вв. ограничению прав женщин способствовал ряд тенденций. Во-первых, устоявшиеся традиции, нацеленные на вытеснение женщин из общественной жизни в разных слоях общества, включая низовой уровень крестьянского самоуправления. Во-вторых, закон активно препятствовал вертикальной мобильности женщин, позволяя им занимать лишь второстепенные должности, необходимые для функционирования растущего государственного аппарата Российской империи. Но самым мощным препятствием на пути эмансипации стало мировоззрение самих женщин, сформировавшиеся у них устойчивые представления, согласно которым у так называемого слабого пола отсутствовали любые иные жизненные перспективы, кроме замужества и ведения домашнего хозяйства. Эта позиция активно поддерживалась большинством мужчин. Большинство, но не всеми: определенная часть приходского духовенства, руководство учебных заведений имело иной взгляд на данную проблему. Пробуждение женской активности в определенной мере произошло по мужской инициативе, устоявшиеся стереотипы стали стремительно разрушаться, и вскоре этот процесс стал необратимым.

Список литературы:

1. А. П-ий. Посещение преосвященнейшим Варсонофием Селецкого прихода, Повенецкого уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 18. С. 408-409.
2. А. П-ий. По поводу отмены продажи спиртных напитков // Вестник Олонецкого губернского земства. 1915. № 4. С. 13-14.
3. Алексеева Н.В. Обетная практика русского крестьянства в системе сакральной географии и топографии православных объектов Европейского Севера России XVIII-XIX вв. // Сакральная география и традиционные

этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск: Поморский университет, 2008. С. 149-162.

4. Анзимирова М.Н. Причины нравственной физиономии женщины. Исторический очерк с приложением статей по женскому вопросу. СПб., 1901. 294 с.

5. Брэйтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 2002. 310 с.

6. Бойченко Л.Д. Женское образование в Карелии (конец XIX – начало XX в.) // Традиции образования в Карелии. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1995. С. 27-28.

7. Вейнингер О. Пол и характер. Принципиальное исследование. М.: Академический Проект, 2012. 392 с.

8. Волокославский А. Соединенный крестный ход 8 приходов 17-го благочиннического округа Олонецкой епархии к Параскевинской приписной церкви Тудозерского прихода Вытегорского уезда 17 и 18 июля // Олонецкие епархиальные ведомости. 1914. № 26. С. 602-605.

9. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 486 с.

10. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб.: Алетейя, 2000. 384 с.

11. Державин Г.Р. Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным // Пименов В.В., Эпштейн Е.М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск: Карелия, 1958. С. 157-191 (Приложение).

12. Ефименко А.Я. Народные юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии. СПб., 1877. 486 с.

13. Забивкин И. Народ и школа (Из наблюдений учителя) // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 23. С. 4-8.

14. И.Д. Учительский персонал деревни и повышение его культурности // Вестник Олонецкого губернского земства. 1915. № 8. С. 13-16.

15. Из постановления благочиннического съезда Олонецкой епархии, бывшего в г. Каргополе // Олонецкие епархиальные ведомости. 1900. № 7. С. 257-258.
16. Канакшанин. Незавидный промысел // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911. № 1. С. 22-23.
17. Киммел М. Гендерное общество / Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 464 с.
18. Копяткевич В.А. Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие. 1897-1911 гг. Петрозаводск, 1914. 126 с.
19. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Норма, 1997. 428 с.
20. М.С. Алексей Тимофеевич Смекалов (Некролог) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 13. С. 516-517.
21. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. 652 с.
22. Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004. 920 с.
23. Освящение здания двухклассной церковно-приходской школы в селе Онежье Яренского уезда // Вологодские епархиальные ведомости. 1903. № 2. С. 50-52.
24. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Издательство МГУ, 1980. 204 с.
25. Отчет о состоянии Олонецкой епархии за 1870 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 383. Л. 25-27.
26. П.Д. Из жизни церковной школы (обучение рукоделию) // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 81. С. 3.
27. Полянский А. Русская женщина на государственной и общественной службе: Сборник постановлений и распоряжений правительства, определяющих права и обязанности русских женщин по службе, с

приложением уставов и положений казенных и частных вспомогательных касс и обществ, услугами которых может пользоваться женщина / Сост. А. Полянский. М.: С. Скирмунт, 1901. 498 с.

28. Преосвященнейший Никанор, епископ Олонецкий и Петрозаводский, его назначение, прибытие и начало служения в Петрозаводске // Олонецкие епархиальные ведомости. 1909. № 3. С. 65-73.

29. Протоколы канцелярии Олонецких Петровских заводов // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 445. Оп. 1. Д. 279. Л. 327-328.

30. Пушкарева Н.Л. Русская женщина в семье и обществе X-XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 3-15.

31. Пушкарева Н.Л. Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 15-29.

32. Работы крестьянского населения Олонецкой губернии в осенне-зимний период 1901 гг. // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 64. С. 2.

33. Рапорт в Синод епископа Олонецкого и Петрозаводского Игнатия // Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 42. Д. 231. Л. 1-71.

34. Рапорт исправника // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 324. Оп. 1. Д. 36/80. Л. 2-3.

35. Рапорт епископу священника Кимасозерского прихода // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 8. Д. 5/16, Л. 1-2.

36. Рапорт епископу священника Ведлозерского прихода // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 74/6. Л. 5-5 об.

37. Рапорт пристава первого стана Петрозаводского уезда // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 324. Оп. 1. Д. 31/10. Л. 4-6.

38. Роев В. Деревенская тьма и школьные чтения // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 17. С. 6-9.

39. Роев В.И. Из учительских воспоминаний // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911. № 3. С. 20-23.

40. Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей / Ответ, ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 864 с.

41. С. Остречины // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 82. С. 3.

42. Солнышкова А. Из жизни нашей женской гимназии // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 66. С. 3-4.

43. Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1977. 238 с.

44. Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1985. 186 с.

45. Тароева Р.Ф. Материальная культура карел. Этнографический очерк. М., Л.: Наука, 1965. 382 с.

46. Указ Олонецкой духовной консистории // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 7. Д. 68/12. Л. 1-2.

47. Успенский П. Несколько слов об отношении крестьян к школе // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 11. С. 20-21.

48. Циркуляр Министерства внутренних дел // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 324. Оп. 1. Д. 10/2. Л. 1-3.

49. N. Из области местной статистики // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 105. С. 2.

Сведения об авторе:

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Россия).

Data about the author:

Pulkin Maxim Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia).

E-mail: mvpulkin@mail.ru.